

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

1

1947

Мильнер Я. А. (Москва). Дискуссия есть дискуссия, и так как я ещё не успел в полной мере продумать большую и богатую содержанием речь т. Жданова, то я позволю себе высказать те мысли, с которыми я свылся как с правильными и для пересмотра которых я пока ещё не нахожу достаточных оснований. Если я в чём-либо ошибаюсь, то надеюсь, что товарищи меня поправят.

Декарт когда-то говорил, что здравый смысл — вещь, самая распространённая в мире, что явствует хотя бы из того, что никто не хочет иметь его больше, нежели имеет. И этот здравый смысл подсказывает нам, что если Центральный Комитет нашей партии в момент, когда вся страна занята заботой об урожае, когда заседает сессия Верховного Совета РСФСР, созывает столь широкую философскую конференцию, то следует ожидать важных решений по вопросам философии в нашей стране.

Конечно, никто из нас, работающих в области истории философии, марксистов, не предвосхитил глубокой сталинской теоретико-политической критики книги т. Александрова, но многие из нас очень хорошо знали, что книга эта — вовсе не выдающееся явление в нашей философской литературе. Как в самом этом факте, так и в том, что никто из нас не имел мужества об этом заявить во всеулышание, как в зеркале, отразилось то совершенно нетерпимое положение на философском участке нашей работы, которое вызвало необходимость, как мы видим, в особом вмешательстве Центрального Комитета партии.

В освещении истории философии возможны, на мой взгляд, две крайности, одинаково опасные для истории философии — марксиста. Первая крайность состоит в том, что история философии рассматривается преимущественно как историко-логическая преемственность идей, широкими слоями, как некая, совершающаяся

исторически филиация идей, — без надлежащего учёта связи этих идей с материальной жизнью общества, их породившей. Это — идеалистическая опасность для историка философии — марксиста. Другая крайность состоит в том, что та или иная философская система рассматривается как непосредственное отражение общественного бытия, как непосредственное выражение тех или иных классовых интересов, и историко-логическая преемственность идей не принимается вовсе в соображение. Совершенно очевидно, что такая точка зрения означает ликвидацию самой истории философии, означает отказ от признания развития философской мысли. Это — чистейшей воды шулятиковщина.

Конечно, не так легко разобраться в классовой сущности той или иной философской системы, тем более, что субъективно многие авторы этих систем вовсе и не отдавали себе отчёта в классовой основе их воззрений. Философы прежде всего стремились к дальнейшему развитию философской мысли. И я нахожу, что в принципе философия в своём историческом развитии и в самом деле шла по пути прогресса. И это понятно. Кто в состоянии отрицать, что общественное развитие идёт по пути прогресса, а раз так, то не следует ли признать, что и философия, как теоретическое обобщение этого общественного развития, поступательно и неуклонно обогащалась в своём развитии? Я считаю за несомненный факт всемирно-исторический философский процесс, — слишком уж у нас увлекаются в последнее время национальным принципом, — факт всечеловеческого поступательного развития философской мысли от Фалеса до наших дней.

Но так же как общественное развитие в предистории человечества совершается антагонистически противоречиво, так же антагонистически противоречиво совершается развитие философии, и истории было угодно, чтобы в принципе реакционные философы, каковы философы-идеалисты, хотели они этого или нет, сами были влекомы по пути прогрес-

са, обогащали сплошь да рядом философскую мысль, ибо кто в состоянии отрицать, что тот же пресловутый Гегель внёс новые, капитальной важности идеи в философию? И в этом именно и сказалась противоречивость философского развития.

Но если идеализм, как ненаучное в своём основании мировоззрение, как догматическое мировоззрение, имеет предел для своего развития, то материализм, как научное мировоззрение, беспределен в своём развитии. И генеральная линия истории философии есть история и поступательное развитие именно материалистического миропонимания в борьбе со всякими разновидностями идеализма, как об этом справедливо говорил т. Жданов. Домарковский материализм, хотя и является в принципе научным мировоззрением, но по причине своей непоследовательности не был в состоянии положить предел развитию идеализма, его поступательному развитию, и только марксистский философский материализм как последовательно научное мировоззрение положил предел идеалистическому развитию, ибо он — в принципе, подчёркиваю, — в состоянии дать ответ на любые вопросы мировоззрения. Такого ответа домарковский материализм не мог дать, он поневоле оставлял некоторое поле деятельности идеалистам. С возникновением марксизма идеализм если и развивается, ибо всё развивается, то по нисходящей линии.

Философия есть обобщение практического и теоретического опыта человечества, даже та философия, которая отрицает роль опыта и практики в познании, ибо завоевания опыта и практики действуют на неё стихийно. Различие между марксистской философией и домарксистской состоит в том, что она, марксистская философия, есть единственное последовательно научное обобщение практического и теоретического опыта человечества, и в силу этого имеет действенный, практически-политический характер — по изменению мира в интересах трудящегося человечества.

Маркс и Энгельс предприняли и осуществили поистине необозримую революционно-критическую работу над идейным наследием прошлого — под углом зрения выступавшего на арену истории нового общественно-класса — пролетариата. В результате этой работы был произведен коренной переворот во всем теоретическом сознании человечества.

Наиболее яркой практической демонстрацией величия, силы и значимости этого теоретического переворота является наша страна, ибо наша страна — марксизм-ленинизм в действии, революционная теория пролетариата, претворенная творческой энергией большевиков в великую материальную силу.

Но, спрашивается, был бы возможен этот научный переворот, если бы философская мысль до Маркса застряла, скажем, на стадии философии Лейбница? Как же вы допускаете такое легкомысленно-нигилистическое отношение ко всей истории философии, т. Светлов? Именно потому и возможен стал марксизм, что Маркс и Энгельс дали ответы на вопросы, которые философская мысль уже поставила, но не была в состоянии решить, ибо находилась в плену старого общества. Стыдно, но приходится повторять всем известные истины. Маркс и Энгельс начали там, где остановились буржуазные учёные, которые не были в состоянии двинуться дальше в силу классово-ограниченного характера своего мышления. Маркс и Энгельс оттолкнулись от Гегеля и Фейербаха и должны были именно оттолкнуться от достижений философской мысли до них, ибо, с одной стороны, это были достижения, которые нельзя было игнорировать, а, с другой стороны, достижения эти не выходили за рамки буржуазного мирозерцания. Только отгалкиваясь от достижений философской мысли до них, на основе всесторонней критики идеалистической диалектики Гегеля и метафизического материализма Фейербаха, Маркс и Энгельс подвинули философию вперед, создали совершенно новую философскую науку, точнее, впервые

создали философию как науку — диалектический материализм. Но могли ли Маркс и Энгельс оттолкнуться, скажем, от Августина Блаженного, т. Светлов? Ведь для вас что Августин Блаженный, что Гегель — едино суть, и тот и другой — лопы! Хотя вы и изучали Гегеля три года, но вы допускаете серьёзную ошибку, говоря об органическом единстве системы и метода у Гегеля. Разве вы не знаете, что и Маркс, и Энгельс, и Ленин, и Сталин указывают именно на противоречия между системой и методом у Гегеля, или тем, что было рационального в его методе, а у вас — органическое единство! Вам невдомёк, что гегелевский идеализм разложен историей именно благодаря этому противоречию. Впрочем, вы вообще не усматриваете никакой логики в истории философии, вы — ликвидатор в области истории философии как науки и хотите в этом видеть новаторство. Дешёвое новаторство! Не следует ли из ваших слов, что ваша кафедра в Университете должна быть упразднена?

Формула товарища Сталина, характеризующая немецкую идеалистическую философию как аристократическую реакцию на французскую буржуазную революцию, некоторыми понимается, на мой взгляд, односторонне. Обратите внимание на то, что товарищ Сталин не сказал «дворянская» реакция, а сказал «аристократическая» реакция. Аристократические представители класса дворян отличаются от остальных его представителей прежде всего своей образованностью. Это — образованные представители класса, следовательно, люди, видящие в известной мере дальше своего класса. Было бы неправильно, как мне кажется, если бы формулу товарища Сталина — аристократическая реакция — мы понимали только (подчёркиваю) в отрицательном её смысле, как сплошную реакцию. Это слово «реакция» надо понимать шире, как реакцию вообще, как реакцию что ли, — также и в том смысле, что некоторые из идей французской революции снискали себе известные симпатии и в среде обра-

зованных представителей класса дворян. Впрочем, я не настаиваю на том, что правильно интерпретирую сталинскую формулу.

«Историю нельзя ни улучшить, ни ухудшить». Это положение сейчас у каждого из нас на устах. Я думаю, что товарищ Сталин не случайно употребил именно это слово «нельзя» (не невозможно, но нельзя), во-первых, в смысле категорического запрещения: не делать этого! во-вторых же, в том смысле, что это и невозможно. Так же, как история вообще не есть политика, опрокинутая в прошлое, так же и историю философии нельзя рассматривать в этом же плане. А между тем т. Александров повинен в этом грехе. Что лучше: улучшать историю или ухудшать её? Я думаю, что само улучшение есть ухудшение, ибо оно разрушает правду вещей, как любил говорить небезызвестный т. Александрову Аристотель. Так что и то и другое — и улучшать и ухудшать — историю абсолютно недопустимо.

На стр. 4 книги Александрова в издании Высшей партийной школы читаем: «Чернышевский первый из великих философов отметил то своеобразие историко-философского развития, что философские системы существуют в истории не изолированно друг от друга, но исторически связаны между собой. Эта связь выражается в том, что более ранние философские учения готовят материал, идеологическую почву для возникновения более поздних, более развитых и совершенных учений». Ниже говорится о том, что «попытку превратить историю философии в науку предпринял в начале XIX века Гегель». Труд Чернышевского, на который делается при этом ссылка, долженствующая доказать, что Чернышевский первый стал рассматривать историю философии в исторической преемственности идей, а именно «Эстетические отношения искусства к действительности», вышел в свет в 1855 году; труд Гегеля «Лекции по истории философии», в котором история философии также рассматривается как историческая преемственность идей, издавался в течение 1833—1836 годов. Как же можно ска-

зать, что Чернышевский впервые открыл эту закономерность? Тов. Александров сам увидел, что такое утверждение не соответствует действительности, и в книге, изданной в издательстве Академии наук, слово «первый» выбросил. Но разве не знал т. Александров и раньше, что, приписывая Чернышевскому открытие исторической преемственности идей, он допускает явную неточность? Уверю вас, Георгий Фёдорович, что я чту память Николая Гавриловича Чернышевского не меньше вашего и не меньше вашего мне претит пруссаческий дух Гегеля, но я совершил бы святотатство по отношению к памяти великого русского мыслителя и революционера, если бы приписал ему, ну, скажем, открытие морского пути в Индию...

Как бы то ни было, но сейчас уже все признают, в том числе и сам т. Александров, что обсуждаемая книга содержит в себе недостатки и ошибки и что, следовательно, т. Александров отнюдь не является обладателем всей абсолютной марксистской истины целиком. А между тем, когда я приступил к редактированию нового, III тома «Истории философии», мне было дано директором института строгое указание — неуклонно придерживаться книги т. Александрова. Вплоть до смешного: даже объём, посвящённый тому или иному философу, должен был строго соответствовать (пропорционально, разумеется) книге т. Александрова. Но в том-то и беда, что стоит человеку занять начальнический пост, пусть этот начальнический пост будет только пост директора Института философии, как он мгновенно обращается в обладателя этой абсолютно марксистской истины. Ушёл с поста — и низведён с этого пьедестала. А между тем как такая претензия вредит делу!

Ровно три года прошло с того знаменательного дня, как было принято известное постановление Центрального Комитета нашей партии о недостатках и ошибках III тома «Истории философии», как и о работе института в целом. Это постановление явилось предметом специального собрания нашего института. Все вы-

стунали и говорили о необходимости исправить положение. Выступая на этом собрании и приведя слова Маркса о том, что в мире всё находится в движении и что если и существует какая-либо неподвижность в мире, то это, во-первых, абстракция и, во-вторых, абстракция того же движения, я говорил, что Маркс и не подозревал, что в мире окажется ещё одна неподвижность — это неподвижность научной работы в Институте философии Академии наук СССР. Постановление Центрального Комитета партии обязывало нас коренным образом улучшить положение. Изменилось ли что-нибудь за эти три года? Нет, ничего не изменилось. Учебников по диалектическому и историческому материализму нет как нет; монографических работ как на актуальные, так и на неактуальные темы нет как нет; III том хотя и подготовлен, наконец, нами, но главная редакционная коллегия, которая, кстати, палец о палец не ударила для его создания, сейчас тормозит дальнейшую работу над ним. Прежде всего они никак не могут собраться все вместе, члены главной редакции на заседаниях являются то одни, то другие, никаких решений по существу не принимают, как будто постановление ЦК не их обязывало создать новый III том «Истории философии». А вообще они привыкли к этому: кто-то редактирует, а они украшают титульный лист своими именами. Но здесь мы имеем дело с прямым нарушением партийной дисциплины. Где же причины столь упорного застоя в работе Института философии? Тов. Светлов здесь назвал целых семь причин; т. Розенталь прибавил к ним ещё одну. Но никто из них не осмелился назвать истинные причины, хотя они известны. Попробую это сделать.

Первая причина состоит в том, что для многих философов работа в области науки не служение великому делу, но средство для достижения своих целей. У одних эти цели носят более примитивный характер, у других более тонкий. Но в данном случае важен не характер цели, но

тот факт, что это порождает семейственность, келейность, узость и полное равнодушие к истинным задачам науки. Отсюда — отсутствие критики и боязнь её. Это сказалось в отношении руководства философского фронта к первой дискуссии по книге т. Александрова, с одной стороны, и к дискуссии по книге т. Рубинштейна — с другой. Почему, т. Александров, по поводу первой дискуссии о вашей книге не появлялось ни одной заметки в печати, по поводу же книги Рубинштейна, не успела ещё закончиться дискуссия, как в газете «Культура и жизнь» появилась возмутительнейшая по своей необъективности заметка, в которой, кстати, автор хвалит самого себя? Критика у нас часто вырождается в псевдокритику. Истинная критика требует прежде всего оценки всей работы в целом, а потом и отдельных её сторон. А у нас часто нарочито выхватываются отдельные формулировки с тем, чтобы опорочить всю работу. Мы сплошь да рядом не делаем разницы между полемикой с единомышленниками и полемикой с врагами нашего мировоззрения.

Вторая причина, тесно примыкающая к первой, состоит в том, что сравнительно небольшое число философов фактически монополизировало в своих руках всё дело издания философской литературы в стране, как и руководство философским образованием и философским фронтом в целом.

Третья причина состоит в том, что мы не всегда понимаем, чего требует наука на современном этапе, и поэтому неправильно понимаем самую актуальность тем. Актуально то, что способствует развитию науки и теоретически вооружает наш народ. Поэтому актуальными могут быть и историко-философские темы, что доказывается хотя бы настоящей дискуссией. Вот уже много лет, как я работаю над Спинозой. Вполне естественно, что темой для своей докторской диссертации я избрал «Понятие субстанции у Спинозы». Тщетно я ссылался на то, что Спиноза до сих пор является предметом спекуляции буржуазных философов-

идеалистов, упорно квалифицирующих Спинозу как идеалиста, а субстанцию философии Спинозы, как дух, и поэтому борьба за Спинозу — это в известной мере борьба за материализм; тщетно я ссылался на то, что Ленин писал о важном значении философии Спинозы как философии субстанции и даже указывал на необходимость углубить познание материи до понятия субстанции, чтобы проникнуть в причины явлений, — мне в этой теме упорно отказывают, хотя я работу эту уже частично выполнил и собираюсь её всю писать вне плана, ночами, помимо своей основной работы в институте.

Четвёртая причина состоит в том, что хотя мы и требуем актуальных тем, но боимся новых вопросов, как огня. В своих резолюциях мы призываем самих себя смело ставить вопросы, предлагать новые решения, смело выдвигать спорные предложения. Но стоит кому-нибудь высказать такое спорное положение, как на него обрушиваются обвинения в немарксизме. Разве вопрос о том, по-марксистски ли ставится вопрос или не по-марксистски, сам по себе не спорный вопрос? Но нет, оказывается, что находятся люди, будь то начальство, будь то редактор, которые считают себя единственными обладателями всей марксистской истины по всем специальным вопросам, которыми они сплошь да рядом и не занимались-то как следует быть. И благодаря таким людям приходится с горечью, с болью в сердце убеждаться в том, что замечательный призыв Центрального Комитета, обращённый к деятелям советской науки, — «смело идите по пути новаторства!» — не для нас, философов!.. Короче, хотя бы спорные вопросы были бесспорными. Но бесспорных спорных вопросов не бывает, как и круглого квадрата, как и деревянного железа. А если кто-нибудь склонен усмотреть в бесспорных спорных вопросах некую диалектику, то ему можно будет ответить философской поговоркой, которой пользовался и Владимир Ильич: диалектика вовсе не состоит

в том, чтобы просовывать хвост, если голова не лезет!

В связи со всем сказанным я позволю себе всё же настаивать на том, что нам философский журнал жизненно необходим. Но нам нужен не любой журнал, а хороший. Конечно, не такой, какой у нас был, ибо будь он хорош, его бы не закрыли, да его мало кто из философов и читал. Как я мыслю себе этот новый журнал, журнал, понятно, марксистский, ленинский? Допустим, что поступает статья, очень спорная, но в ней содержится ряд новых и свежих мыслей, которые, если оценить правильно, способны обогатить нашу философскую науку. Такую статью надо бы напечатать с оговоркой: статья спорная; печатается в порядке обсуждения, или даже: в дискуссионном порядке. А вот другая статья: очень интересная и правильная, но в ней есть ряд сомнительных формулировок. Если автор не согласится их исправить, статью всё равно печатать надо, но в примечании сделать оговорку, что такая-то формулировка не кажется правильной по такому-то и такому-то основаниям.

Вот если у нас будет хотя бы один такой журнал и если будут устранены те причины, о которых я говорил, — а я уверен, что это будет, ибо должно быть, — тогда марксистско-ленинская философская мысль в нашей стране заберёт ключом, и мы будем иметь то изобилие духовной культуры, о котором говорил т. Жданов и к созданию которого призывает нас Центральный Комитет нашей великой партии.

Мишулин А. В. (Москва). Древние римляне говорили, что философия это *scientia scientiarum* — «наука наук» или «царица знания». Во многом можно упрекнуть античных писателей за такое суждение, но несомненно и до сих пор, что философия даёт нам высшие обобщения опыта жизни, практической деятельности человека в различных её областях, достижений науки, и тем самым философия направляет всю духовную жизнь общества. Марксистско-ленинская философия как единственно правильная научная